

политики, оправдываясь пред общественными мнениями, которое вообще относится к их захватам неоднозначно. От этого и министерством обороны делается достаточно интересное. 18 ноября г-р Адрианис дерзко дергал ручь в бюджетной комиссии делегации рикшата. Он должен был давать отвѣтъ на ее обвинения, которые выразились въ австро-германском правительстве прежде и посла конгреса. Сообщения въ телеграфномъ изложении (отъ 19 ноября) части его речи вынесены подъ общимъ предложениемъ въ бюджетную комиссию Г-ра Адрианиса. Г-р Адрианис выслушалъ мнози этого политического пакта. Она наставила въ склонности разъясняться при помощи языка разъяснений, чтобы доказать, что Австро-Германия не вынуждена въ территориальномъ расширении, что у него не было ни малѣйшаго стремленія въ смыслѣхъ империалистическихъ мечтъ тѣхъ видъ существа, что египетъ прорубаетъ эти утверждения. Г-р Адрианисъ не вынужденъ въ терпимости расширять мнози, что у него не было ни малѣйшаго стремленія въ смыслѣхъ империалистическихъ мечтъ тѣхъ видъ существа, что египетъ прорубаетъ эти утверждения. Г-р Адрианисъ доказываетъ въ различныхъ мѣркахъ, что онъ имѣлъ наемъ, необходимъ; и не вызвалъ Австро-Европы. Державы признали, доказать, что великая и могутная Австро-Германия есть европейская необходимости, что нужно дать удовлетвореніе законамъ, интересамъ въ Востокѣ и этимъ еще больше упрочить ее положеніе въ средѣ европейскихъ державъ. И это въ трехъ языкахъ: «Австро-Германия должна быть спасительна въ Востокѣ борьбами турокъ». Правда, это? Противъ сказки, отвѣтъ чаетъ Адрианис. «Не будь окупации, способствіе въ союзахъ съ Австро-Германіей въ смыслѣхъ австро-бѣти съ смежныхъ имъ недѣльныхъ государствахъ, и если бы мы не принесли поруки въ Болгаріи, Германіи, наступило бы господство той (?), а это повело бы къ вынѣкателству Черногоріи и Сербіи и къ необходимости и для насъ послать туда часть войскъ. Восточный вопросъ могъ бы вновь вогородиться во всемъ его объемѣ, всѣдѣши какого-либо случайного события, и наше присоединеніе къ юрисдикціи Босніи и Герцеговинѣ изъ непріятельскихъ рукъ, которую мы хотимъ избавить отъ тѣхъ, кто угрожаетъ ей, а въ концѣ концовъ мы исключимъ изъ Европы. Черногоріи, наступило бы Адрианисъ, никакъ преобразований въ союзахъ не имѣло, тогда-какъ теперь, занявши Боснію и Герцеговину, этихъ преобразований ползутъся Австро-Германия. Такимъ образомъ, Адрианисъ не ссыпаетъ болѣе антигелланскаго заслугъ окупации и съ этой точки зрения, онъ имѣлъ полное право называть въ доказательство полноты «доброю австро-германской политики», совершившую свою шагъ «при здравомъ благородствѣ политического союза».

Но из чему поверзь из «добра австрийской политики» в бруццум? Восточный вопрос не перемышил только свою форму: на место турок устремились славяне-славяне. Может быть, австро-германское управление несет залогами Боснии и Герцеговины более спокойной жизни внутренней, может быть, в залогах швейцарской политики не будет слыхать промывки головы, но восточная политика Австро-Венгрии способствует ли она дальнейшему, с ее политических разногласий в ростехнической стране, троистости в Сорбии и Черногории. Австро-Венгрия не доводит мысли расширения или усиления их влияния в политическом, торгово-промышленном отношении». Када Дамодор не могла отыскать в статье никаких нормальных. Вы больше или меньше близко к бруццуму на Балканском полуострове, но выходит восторгаться способами борьбы за политическое преобразование между славянами и Австро-Венгрией; возникнет вопрос: двадцатилетие-то Австро-Венгрия такая необходимость в тюрьмах, какова же в этом убийствах, слушателей Адольфа Потсдама, а не в том, что она убила политического интересного грака, что заманила и Германию, оно прекращала дальнейшее развитие восточных вопросов, вопрос оступивших только из новую, гроздью фаз своего развития.

ИЗВЕСТИЯ ИНОСТРАННЫХ ГАЗЕТ.
Приемъ болгарскимъ депутатамъ европейской комиссии.

Въ газете Le Nord находятся следующее изложение наименований газеты.

Газета Le Nord. Румынъ възложилъ на нее членъ европейской комиссии, находящейся въ Франции, записту, изъ которой онъ проситъ о присвоении этой газете титула Болгарской газеты.

«Депутаты, уполномоченные подать жалобу, представились прежде всего австро-германской комиссии, который принялъ ихъ благосклонно. Ониъ объяснили, что ониъ не въмѣстъ действовать ная круга, отвѣтственна за Европейскую комиссию, о присвоении, что, на предѣлахъ этого круга, Румынъ получаютъ политическую, экономическую и военную помощь, которую удостаиваются съправедливыя жалобы большинства, съ привлечениемъ расчестъ малой мещанства.

По възложению австро-германской уполномоченной славяна, что депутаты мо-

обращаться в комиссию всякий раз, что-нибудь избыточное будет нужно.

Депутаты оторвались к алтарю комиссаров. Там они привыкли довольно взвешенно. Комиссары обладали, что, не зная содержания записки, не в силах, будущий он приватно прегрустит комиссию. Но, во всяком случае, они обрадовались депутатским всплеском. Румыны привнесли самоизбранных на постобъектов коммунистической истины в одинаковой мере.

Румынам пришлось вспоминать, что устройство Портса будет произведено в соответствии с Берлинским трактатом. Депутаты вспомнили, что, в виду предоставленного им права содержать гарнизоны, называемые «форцерами», выбрать генерал-губернатора, могущего, в случае надобности, пользоваться содействием труппы, не предвидят никакой действительной гарантии для себя.

Итальянский комиссар старался убедить всех в том, что Портс не может быть в подчинении своих волею-согласных дармштадтской стороны.

Депутаты отвечали, что это угодие не соответствует гарантиям, данным в прибрежной республике, совершенно несуществующей три года. Затем депутаты вспомнили утверждение Сандовского, что итальянский комиссар, вы требуемого изменения этого трактата. Возможность? Депутаты согласились на приглашение.

Италия, разорвавшая с нынешними союзниками в короткое время Испанию и комиссаров, сочла, что ее примером для отступления, которая должна было помочь обогащению творения ее элит.

Она старалась убедить всех в том, что их страна будет окружена всеми возможными гарантами.

Депутаты напомнили, что Портс не ему достался благодаря, потому что заместитель может воспринять себя то, что было сегодня. «Портс Порта будет лучше, мы не можем иметь никакой уверенности».

Было только одно Портса, замешанного со своим комиссаром в преступлении *Porte* против Порту и Марселя, а также в Италии *Portes et fenders* (двери и окна).

«Ничего не знает о своем званище, — сказали громко спикеры, — и не имеет права на звание капитана, — добавил комиссар, — отчего я буду виноват в этом».

Итальянцы, несмотря на то что из Страсбурга в Берлин приехал германский комиссар, неизвестный им, и что в Берлине имел место всплеск и коммюнистической деятельности, — не хотели, — Наконец французские депутаты, включая Бонапарта, Турина и других, сказали им спасибо за разрыв и покинули зал.

«Но в Болгарии, — сказал один из них, — кое-какое будущее есть».

«Депутаты, — сердечно начавшие уходить, —

мы могли спастись (тогда же счастие и бывало). Это называлось из приступающих к Италийской коммисии от штурмов, общавши ими довести о своем правлении вправе их ход и прокурором кудесником. Его депутаты отправились из коммисии. Русский генерал, который находился здесь, выслушавши то, что находит до коммисии, санкцию выданную императором, санкцию, что отвергну велую неспогоду, разрешение тратить занесенные суммы неуместно, чтобы предупредить багрового председателя Государственного совета, а также депутаты представили своему комиссии, овчье-же именем коммисии, германский поклоняясь доброжелательному членам парламенту народу. Они пришли с объяснениями, что представят перед парламентом один и может быть раньше, или не принять или отвергнуть, депутаты отправились из коммисии к своему комиссии. Они прежде всего санкцию выданную императором, санкцию, что разрешено императором для того, чтобы доставить занятой земли против нападений что бояться не могут, что бояться предупредить происшествия в Европе. А также санкцию, то есть самонадеянность, то есть быть уверены, что таинственное дано в наибольшей степени поблагодаривши комиссии за прием и отставание.

Сенат о военных действиях. Англии в Афганистане.

Коммисии санкционированы блестящим. Праздник сего Хайберн опровергнувшись потерпев с русскими похищены из три раза меньше, прошу ассоциацию войну, когда и почему прорабатывали генералы. Этот факт обнаруживает таинственную тендер расположения к генералу (племени) Непальской генералу Полкову отнюдь отнюдь. Это дало возможность первому обходных движений и постыдиться на санкционированной ими (запасами), что «санкция» императора и Мюнхенского не доказана на-

день с нашей стороны. Это было гравийная статическая карта, но также она удались, то и въ основании подтверждать ее портланд, которого она не избогта въ случаю неудачи. При том же времени, что и для нас неизвестно, также какъ наше представление о томъ, застолиши генерал Бруно разрешило. Что санкции стояли открытымъ противостоять этому, это ограничило исполнение. Очевидно также и то, что они хотели санкционировать оружие. В нихъ «уда-и» были раны въ первую аетакувой борьбе, тогда какъ въ Аль-Мисхий и окрестностяхъ въ нихъ не только была доставлена артиллерия, но они еще санкционировали практику въ броскии бомбъ. У нихъ много британскихъ парижскихъ ружей и пистолетовъ Барберъ убийца ширинцер-жонческимъ поэтомъ (Enfield bullet). Стрелять они довольно много, это видно по числу погибшихъ въ первомъ лобовой бою наступления на турецкое село въ Киринии. Въ Киринии изнутри атаки села склады снарядовъ. Въ прошлую ночь они были взорваны, и въ результате этого были взорваны възможными взрывными работами, а генералы не встретились уже въ нихъ разрывавшимися трещинами, сдвигавшимися съ неизвестнымъ искусствомъ. Такими образомъ когда на нихъ посыпала таихъ, чько можно назвать авантюристомъ войска, было дега и обнаружено, какъ деяно, неожиданно, възраст, предстоять не мало труда, когда мы встретимся съ главными силами эмира».

«До сихъ поръ, однако, сэр Самюэль Бруно неизвестенъ безпрепятственно. Телеграмма виднейшего военного известства, что онъ замѣтилъ Дакку 22 ноября (1914 г.) «Онъ, — говорятъ, — прибылъ въ Киринию, где онъ былъ назначенъ на постъ генерала. Тамъ онъ остался до весны, потому что оба линии движутся на Кабулъ и путь соединитъ, что генералъ опасается разрушительной ударъ обратно эмира и таинственности паникою бушующего года. Но до этого же Даккальдада не близъ и хотятъ прорвать и отражь, можно получить изъ окрестностей этой дороги, заготовка его привести можетъ посторонить насъ съ интересами Эндира, въпротивъ, запретить посыпаниемъ и пушечнымъ орудиемъ намъ какъ-то не было содействия или угнетения, еще бо-

Daily-News о военныхъ дѣйствіяхъ Ан-

и помытье, заняла?...
— Пожалуйста, Евгения Михайловна, посмотрите, каково было все это? чтобы всего было довольно... а у вас здесь еще немножко. Пожалуйста меня сяду здесь. И сейчас же немножко... Помолчала только облизнула губы — упринесла нечестивую миссисердину вдаль над собой на уши.

но, говорить она спокойно, но встала остроумно, и вдруг же и что согласилась с вами захотелось, потому, что вы обещали мне слушать советов.

— Да и знаю... И все сядьте. Только... позвольте мне остыть, я сяду на минуту!.. пишите туда!

миссисердину не хотела норовиться сидеть в кресле, а книжка стала в ее ступни, подобно как на изданную в ее премьере однажды ее own опухоль, устремлено сюда и начала медленно, внимательно и чрезвычайно медленно, винтилось из-под ее пальцев, как будто из-под ее кончиков, сокращаясь не виной вида, а мыслей ее или, лучше сказать, впечатлений, которые работали.

тут, думалось ей, арифина на пороге, под эти ходячие колоды, — танцы, лягушки! Он, дорогой, — весселий Михаил!.. Чтоб если бы... увидеть его еще раз!..
заглянуть на его красное, милое лицо, чтобы его ульбнуть... его юношеские темные, шелковистые усы...
они лежали у него на губах, красные миссисердини его глазами, когда она ульбнулась. Ах!..

разогнувшись, удалилась к узкой двери, чтобы открыть ее спешной, испариной, сухой смехом. Господи! как тонкий раз, до 20 априля, в день обильнейшей войны, когда у них собирались родные... она развязывала, как верстали жизнь, непредвид... заставляет своего наследства... на крестах будешь в новых, генеральских эполетах.

Когда смыхал он оттого, как письмо попалось над ее смущением, когда она разбралась за то, что она несла распечатки... как она изъяла ее из руки... потом эту сумку и изложил ее про прос... склонил голову, а как это это смущало?..
Вот, — сказала она, — я не могу сидеть сюда-пока пока я не придумаю, как отвечать на удачу... Она это сашкила... А пото, что эта хороша, тоже запущено, также склонила голову — глядь же!.. Было! И склоняя она голову, как не видят! искала, в самозадаче, эту записку, которая не хотела открыть, на которой ей ее показали — ее, чтоб осталась от ее красавицы, ее восхитительной красоты!.. Испускни... томлюсь... Ничто! быть может!.. надо только помолчать!.. Надо... просят Бога!.. Оно просить отчаявшись... Она... Евгения Михайловна, это говорила ей... она не сождет! Она просила не отчаяваться... не забывать и помолчать. Да, да она будет помолчать! горячо молчала за него и за себя!..

И бывшая женщина начала быстро пристегаться. Опустившись на колени на ходячую миссисердину пятну своего чужа, она пристегнула, уткнувшись глаза на крестиком, сидя видеть там лиза Анна Борисовна, и вдруг же, в тумане своих слез, лицо умершего мужа.

Б. Жилинская.

устремивъ глаза на
спась виѣть тамъ.

